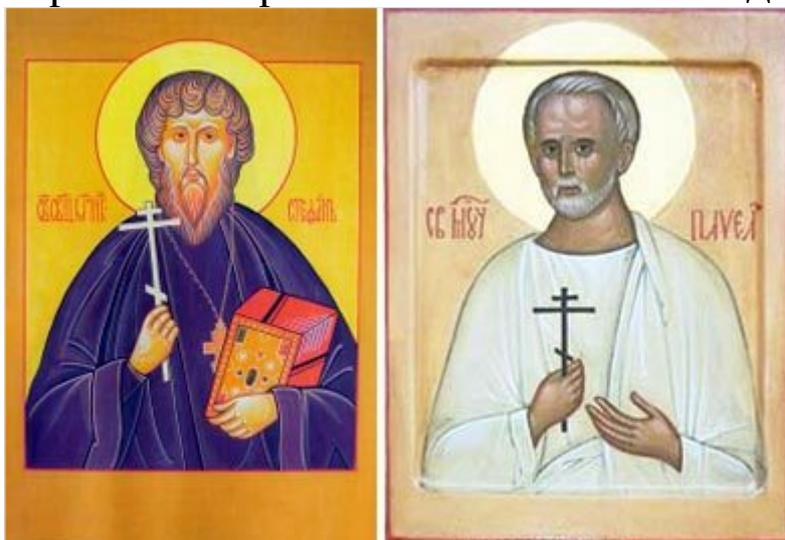

ГДЕ УПОКОИЛАСЬ «СВЯЩЕННАЯ ДРУЖИНА»?

Из всех новомучеников и исповедников Российских, в земле Коми просиявших, к настоящему времени канонизированы только семнадцать. Из них единственный имеет могилу, к которой можно прийти помолиться. Да и то сельское кладбище, где был похоронен расстрелянный в 1918 году священник Дмитрий Спасский, уже давно сровнено с землёй, а могила его оказалась под фундаментом здания Помоздинского сельсовета – ныне в нём располагается школа. Но люди всё равно ставят свечи у стены школы, совершаются здесь и молебны. А у других новомучеников и этого нет. Почему? Причины понятны: богоборцы казнили их в строжайшей секретности, часто под покровом ночи в укромных лесных уголках, при этом тела не хоронили по-человечески, а просто прятали в земле, чтобы никто не смог найти. Исповедников православной веры богоборческая власть боялась даже после их смерти.

Священномученик Стефан
Ермолин и святой мученик Павел
Елькин

И вот совсем недавно пришла весть... Похоже, что выявлены могилы тринадцати пострадавших за веру Христову, проходивших по делу довольно известной в Коми «Священной дружины». Среди её участников трое причислены Русской Православной Церковью к лику

святых: это епископ Вязниковский Герман (Ряшенцев), священник Крестовоздвиженской церкви Сыктывкара Стефан Ермолин, а также Павел Елькин, бывший при жизни простым рабочим и принимавший активное участие в приходской жизни кочпонского Свято-Казанского храма. Об этих захоронениях на Тентюковском кладбище города Сыктывкара узкий круг православных мирян знал и ранее – то, что там лежат расстрелянные в конце 30-х годов мученики за веру Христову. Однако не знали, кто именно. Недавно ухаживающий за этими могилами вместе со своей семьёй профессор Николай Алексеевич Морозов рассказывал о них корреспонденту нашей газеты ([“Треугольники” из лагерного детства](#), «Вера», № 674). Краевед и руководитель Родовой общины потомков репрессированного духовенства Коми края Анна Георгиевна Малыхина, прочитав эту статью, побывала на месте захоронений и, сопоставив факты с тем, что она узнала в архиве из рассекреченного дела «Священной дружины», пришла к выводу, что они принадлежат её участникам. С ней побеседовал наш корреспондент.

– Анна Георгиевна, на чём основываются ваши выводы?

– Суть в следующем. Имена практически всех священнослужителей, расстрелянных в Коми крае, сейчас выявлены. Даты их расстрелов определены по дням. И совершенно точно можно сказать, что второго такого случая, когда одновременно в один день было расстреляно 13 человек, среди них два епископа и ещё четыре священнослужителя, больше не было. Это факт. А люди, которые сейчас ухаживают за этими могилами, знают от тех, кто их хоронил, что в 13 могилах лежат расстрелянные в один день и что среди них были епископы, священники и мирские. То есть совпадение полное.

А. Г. Малыгина у безымянных могил на Тентюковском погосте

Кто конкретно похоронен, они, к сожалению, не могут сказать, им известны только два факта: среди мирских было четыре женщины, а среди епископов был тот, кто до ареста жил на поселении в местечке Тентюково, в доме у Александры Титовой. Второй факт вполне достоверен. Александра Титова была соседкой тёщи профессора Николая Алексеевича Морозова – того самого, кто в последние годы «по наследству» ухаживает за могилами и кому рассказали эти скудные сведения о расстрелянных. То есть информацию он получил из первых рук. Что это нам даёт? То, что мы можем определить имя епископа. По документам и воспоминаниям мы точно знаем, что на поселении в Тентюково жил владыка Серапион (Шевалеевский), епископ Моршанский. Он был сослан в Сыктывкар вместе с епископом Германом (Ряшенцевым), вместе с ним проходил по делу «Священной дружины» и, как знаем из документов НКВД, был расстрелян в один день с другими подследственными по этому делу – 15 сентября 1937 года. То есть это тоже указывает, что в тех 13 могилах лежат участники «Священной дружины».

– А тому, что, по воспоминаниям, в четырёх могилах лежат женщины, есть какие-то подтверждения?

– Здесь достоверности меньше – получается нестыковка. По делу «Священной дружины» было расстреляно не четыре, а три женщины. Одна из них – Александра Фёдоровна Штокович, дворянка, дочь коменданта Царского Села, занимавшая при царском дворе какую-то должность, хотя в официальном списке фрейлин не значилась. После революции она работала учителем музыки и преподавателем французского и немецкого языков, а в ссылке в Сыктывкаре зарабатывала на хлеб игрой на пианино в ресторане «Октябрь». Второй была её близкая подруга Анна Варун-Секрет – дочь юриста, из дворян, баронесса. В Париже она окончила курс иностранных языков. Здесь, в ссылке, работала учителем французского языка. Обе они окончили Смольный институт благородных девиц, познакомились и подружились в Сыктывкаре, поддерживали друг друга во время невзгод.

А третьей была «активная церковница» (так она фигурирует в деле) Мария Александровна Шаламова – вдова расстрелянного ещё в 1931 году вотчинского священника Прокопия Шаламова, родного дяди известного писателя Варлама Шаламова. Оставшись вдовой, Мария Шаламова полностью встала на исповеднический путь служения Богу, добровольно помогала узникам в наших северных лагерях. Сама собирала продукты и одежду, ездила по тюрьмам и передавала их священникам, монахам, чтобы как-то их поддержать. Это ей было вменено в вину: контрреволюционная агитация. Как и то, что дважды она ездила в Великий Устюг к епископу, просила о своём пострижении в монахини – правда, владыка, жалея её, на этот постриг не благословил.

– Получается, что смерть за Христа объединила блестящих светских дам и сельскую попадью из Коми.

– Да, тут все едины. Миряне шли на смерть вместе с монахами. А их, кроме двух епископов, было трое. Чекисты не посмотрели даже, что самому старшему из них, архимандриту киевского Свято-Троицкого монастыря Иоанникию (Тарара), было 76 лет. В Сыктывкаре он жил в деревянном доме вместе с владыкой Германом и его послушницей Пелагеей Семёновной Фокиевой, которая сопровождала его по всем ссылкам. Этот дом в местечке Кочпон, по улице Колхозной, 5, принадлежал Марии Васильевне Поповой. Там же, в Кочпоне, жили киевский игумен Варлаам (Смурыгин) и иеромонах Михаил (Любимов), также в одном доме – по улице Домны Каликовой, 22. Ещё двое из расстрелянных – монах Мартемьян (Васильев-Жуков) и местный священник Крестовоздвиженской церкви Стефан Ермолин – жили в местечке Тентюково. При этом дом отца Мартемьяна, номер 47, находился на той же улице, что и дом владыки Серапиона, номер 26, – вместо имени улица была просто пронумерована: 6/10. Понятно, что они часто ходили друг к другу в гости, общались.

– И наверное, совместно молились?

– Соборные службы были в храме. Поначалу ссыльное духовенство ходило в Крестовоздвиженскую церковь в местечке Тентюково. В 1937 году храм закрыли, его настоятель, отец Стефан Ермолин, неоднократно обращался к местным властям об открытии, под прошениями подписывались местные жители. Но ничего не получилось; напротив, позже, при аресте отца Стефана, эти прошения вменили ему в вину. После закрытия тентюковского храма все ссыльные стали ходить на богослужения в Свято-Казанский храм в Кочпоне, многие из них пели в церковном хоре, руководителем которого был владыка Герман (Ряшенцев).

– Владыка Герман среди ссыльных считался самым

авторитетным?

Священномученик
Герман (Ряшенцев).
Фото 20-х гг.

– Пожалуй, что так. И по сану, и по жизненному опыту. Ведь это была не первая его ссылка. Мученический путь владыки Германа начался ещё в 1921 году, когда его бросили в Бутырскую тюрьму. Повторный арест состоялся в следующем году с высылкой на три года в Тобольский округ. Затем была ссылка в город Турткуль в Каракалпакии, потом Соловецкий концлагерь, где владыка переболел тифом, после чего стал инвалидом. По болезни в конце 1930 года его вместе «со стариками, больными и калеками» перевели на материк, где жизнь на положении ссыльного оказалась не намного легче. Три последующих года ссылки на Север он провёл в крайне тяжёлых условиях, иногда не имея даже крова над головой – на открытом воздухе. За это время ему пришлось сменить более двенадцати мест назначения, иногда проходя от одного места в другое десятки километров пешком в сильный мороз и метель. Так,

например, в 1932 году он шёл пешком из села Деревянск Усть-Куломского района в село Воч.

Вот как сам владыка описывает этот переход в письме к духовной дочери:

«В день памяти князя Даниила, то есть в день Герасима-грачѣвника, проделали сто километров по глубокому, часто по колено, снегу и в сильную метель, переходившую в буран, и 21 марта по старому стилю дошли до села Вочь. Совершенно неожиданно, как будто в ответ на чьи-то незримые, но горячие мольбы (странников и пришельцев здесь, кроме пятидесяти кабардинцев, до ста человек), позвали старичка монаха, здешнего батюшку, отдали ключи и коротко сказали: «Служи». С чтения 12 Евангелий начались службы – услышали мы церковный звон, увидели святые огоньки, и не только слухом, но и устами своими и сердцем вознесли хвалу Его страстям, потом и радостному Воскресению. После восьми лет отсутствия в эти дни в храме (только первую Пасху в Сибири, да вот теперь десятую по счёту встретил в церкви и с народом, хотя и не своими близкими) как бы по-новому переживал знакомые, а иные уже полузабытые песни и чтения. Когда мы со своим спутником и сожителем шли к святой заутрене, то меня поразила необычайная тишина вокруг. Тихо было в храме, не погасла ни одна свеча, когда шли вокруг церкви. Тихо как-то было на душе, когда в притворе как будто сошедший со старинной иконы старец окадил иконы и людей и ветхим голосом, но с большим внутренним подъёмом запел: “Христос воскрес!” Внутри как будто кто-то говорит: “Затем и позвал, чтобы прославил и утешился”. В Деревянске ничего этого не было».

Батюшкой, отслужившим в храме глухого села Воч пасхальную заутреню, скорее всего, был Емельян Никитич Касев, последний священнослужитель здешней церкви.

15 января 1933 года, в день памяти преподобного

Серафима Саровского, владыка наконец-то получил разрешение уехать по выбору в несколько мест центральных регионов России, и отправился он в город Арзамас. Но уже 4 марта 1934 года вместе с епископом Серапионом за то, что они якобы «активно боролись за поднятие авторитета религии и сплачивание духовенства в Арзамасской епископии», был снова арестован и выслан в северный край. Да, можно сказать, что в Сыктывкаре он стал центром притяжения для всех верующих людей. Владыка был жизнерадостным, открытым, очень гостеприимным человеком, пользовался большим авторитетом как у духовенства, так и у мирян. Ссылное и местное духовенство часто собиралось в доме, куда он был определён, на репетиции церковного хора. Естественно, на этих собраниях велись разговоры и на злободневные темы, но никакой контрреволюционной деятельности там не было и в помине. 2 марта 1937 года у владыки заканчивался срок ссылки, он готовился к отъезду, выбирал место будущего своего проживания, как вдруг 24 февраля по доносу его снова арестовали, уже в пятый раз. С ним было арестовано ещё 12 человек, которых обвиняли в контрреволюционной деятельности, объединив всех вместе в «контрреволюционную группу церковников фашистского толка». Это и была так называемая «Священная дружина», организатором и руководителем которой объявили владыку Германа. Ему предъявили обвинения как вполне реальные – «организовывал оказание материальной помощи участникам группы и ссылке духовенству», так и совершенно фантастические: «среди населения вёл контрреволюционную агитацию и выступал в защиту врагов народа, троцкистов». Схожие обвинения были предъявлены и другим членам придуманной чекистами «Священной дружины», в которой было семь мирян, активных прихожан кочпонского храма. В том числе – высланный из Санкт-

Петербурга инженер Александр Трофимов, высланный из Москвы инженер Рафаил Амосов, дворянин Александр Трофимов – фармацевт киевского военного госпиталя в чине коллежского советника (в Сыктывкаре он работал по своей специальности в аптекобазе), а также местный рабочий Павел Елькин.

– Анна Георгиевна, теперь можно точно сказать, что место их захоронения найдено?

– Всё показывает на это. А иных подтверждений мы не найдём, ведь мучеников хоронили тайно. Добрые люди, после казни выпросившие и выкупившие у охранников тела и одежду расстрелянных, никому не сообщали их имён, даже своим близким. Если бы всё раскрылось, то охранники попали бы под трибунал, да и сами эти люди дорого поплатиться. Единственное, что они смогли сделать, – предать тела земле с молитвой и затем сохранить могилы. За ними ухаживают и ныне, на них поставлены кресты. Один большой деревянный крест прикреплён к берёзе рядом с могилами. Только на этих крестах до сих пор нет имён.

Захоронения мучеников мне показала жительница Тентюково Юлия Васильевна Сорвачёва. Каждый раз, когда она посещает здесь своих родственников, приходит и к этим могилам, считая их святыми. И так поступают многие. Есть надежда, что со временем это место будет почитаться всеми жителями нашего края.

В Сыктывкаре каждый год традиционно проводится крестный ход в честь новомучеников Коми, в котором участвует всё больше молодёжи. Молодые люди хотят знать их жизненный путь, где они расстреляны и похоронены. Захоронения «Священной дружины» могли бы стать местом общего поклонения всем новомученикам Коми.

Евгений
Фото Александра Распутина

СУВОРОВ

ВЕСТОЧКА ИЗ АДА

Уважаемая редакция!

Немало поработав в архивах, беседовав с бывшими репрессированными, я обратила внимание на то, что много священников погибло не только в тюрьмах, лагерях, ссылках, но и на этапах, пересылках. В мои руки попал документ того трагического времени, пожелтевший, вчетверо сложенный листочек из школьной тетради, густо исписанный карандашом, потертый на сгибах. Он донес до нас спустя 60 лет, дыхание той жизни. Вот что написал репрессированный священник, схимонах Михаил (Трусиев), которому удалось передать с пересыльного пункта весточку на волю:

“Христос среди нас. Шлю свое благословение братьям и сестрам. Нахожусь я в Троицко-Печорском карантине, дальше не знаю, куда нас направят. Дают нам 300 г. хлеба и никакого приварка... Очень голодно, но все-таки я, слава Богу, жив. Среди нас болезни, тиф, так что многие умирают. Только первая моя болезнь, что нахожусь я среди разбойников. Но я благодарю Господа Бога, что Он мне послал такое испытание. Мое утешение только слезы... Нам дорога была очень трудная. На пароходе плыли 11 дней, потом шли пешком 150 верст на одном только хлебе. Так что очень многие, которые были среди нас, не дошли и остались в лесу, и там, наверное, помрут, потому что на этом протяжении ни одного села не было и помощи оказать некому. Сапоги с меня сняли и я сильно ослаб, так что чувствую себя плохо... Остался безо всего. Адрес пока неизвестно какой. Передайте поклон всем священникам и монахам. Благодарю Бога, что меня не били так, как одного священника. Его били, и священник умер”.

Священник Михаил Трусиев, написавший это письмо, был сослан в Коми край. Он находился в ссылке 10 лет, а затем был отправлен в один из лагерей, где и умер...

МОЙ ДЕДУШКА АРХИЕПИСКОП ЛЕОНТИЙ

Своего дедушку – архиепископа Архангельского и Холмогорского Леонтия (Смирнова) – я помню еще со времени Великой Отечественной войны, когда он служил в храме «Утоли моя печали» на Ярославщине. Тогда он был еще мирским священником – о.Михаилом, но жил уже один. А раньше у него была большая семья – супруга Юлия Александровна и семеро детей: Лидия (моя мать), Вера, Елена, Екатерина, Надежда, Ольга и Николай.

Уже тогда его длинные, ниже плеч, волосы были седыми. Это был период разгула атеизма. И сейчас кажется совершенно невероятным, как тогда ему удалось восстановить разрушенный главный купол церкви и водрузить на нем крест. Вся его жизнь – это твердая, непоколебимая вера в Господа, служение ближним, безропотное терпение, смиренное перенесение своих скорбей. Не зря материалы по архиепископу Леонтию представлены Архангельской епархией в Священный Синод для канонизации в сонме новомучеников и исповедников Российских.

Детские воспоминания

В быту вне храма дедушка никогда не снимал своего поношенного подрясника, сшитого из простого темного материала. При его появлении на улице, бывало, прохожие посмеивались над странным попом, а некоторые даже оскорбляли и издевались над ним. В то время

священнослужители были «вне закона», подвергались всеобщему глумлению и осмеянию. Может быть, поэтому большинство из них вне храма носили светскую одежду, коротко стригли волосы, из-за чего их невозможно было отличить от остальных людей. Мой дедушка в своей рясе, с длинными волосами выглядел как чужак. Тем более, что он был кротким и незлобивым. Особенно донимали его мальчишки. Однажды один такой хулиган запустил в него камнем и попал в глаз. Глаз тут же вытек и повис на жилке. Но, как сообщает семейное предание, дедушка не рассердился на испугавшегося хулигана, а благословил его и даже успокаивал, что все так получилось. Затем занес в свой поминальник и молился о его здравии. Но среди родственников существует и другая версия – будто бы он потерял глаз, когда находился в заключении и сидел в одной камере с бандитами, которые его избивали.

Нам, ученикам школы, тогда не разрешалось ходить в церковь. Это считалось большим позором. Храм иконы «Утоли моя печали» находился за рекой. А на мосту через реку, особенно во время больших церковных праздников, стоял красный патруль, состоявший из членов партии и старших комсомольцев. Они отмечали «нарушителей» дисциплины, фиксируя всех верующих, посещавших церковь, для их последующих проработок в школе и на производстве.

Семья о.Михаила
Смирнова, будущего
архиепископа
Леонтия

Мама часто рассказывала мне о своем детстве, о взаимоотношениях в семье. Конечно, все дети в их семье воспитывались в православном духе, ходили в церковь, соблюдали посты. Но нельзя сказать, чтобы родители принуждали их вести такую жизнь. Как-то произошел забавный случай. Был постный день, но младшим детям на стол поставили тарелку со скоромной пищей. Кто-то напомнил о посте, и дети тут же стали выплевывать все, что не успели проглотить. Жить по-церковному было у них уже в крови.

В семье дедушки очень любили музыку, любили петь. Возвращаясь со службы, дедушка часто восхищался церковным хором, их удивительным пением. Иногда долго не мог успокоиться, покачивая головой, говорил: «Как поют! Ангельские голоса!» Наша мама тоже увлекалась музыкой, хорошо играла на гитаре, фисгармонии. Эта традиция в нашем роду продолжается и сегодня.

Библиотека дедушки состояла только из старых церковных книг. Но говорят, что в молодости он читал и

светскую классическую литературу. Больше всего любил Чехова. Искренне смеялся, читая рассказ «Канитель». По-видимому, у него во время поминания возникали подобные случаи.

Наставления чадам

Дочери архиепископа
Леонтия и его внук
С.М.Бутыленков

Когда дети уже жили самостоятельно, архиепископ Леонтий не упускал случая напомнить им о Боге, о необходимости постоянного обращения к Нему за помощью или с благодарением. Приведу лишь один поучительный отрывок из его письма, адресованного младшей дочери Надежде:

«Дорогая дочь Надя!

Получил Твою телеграмму о времени твоей свадьбы и с приглашением на свадьбу. Но приехать не могу, так как у меня 12-го и 15-го февраля службы в соседних приходах с рукоположением во дьякона. Отменить эти службы нельзя. Если бы это Ваше сообщение пришло неделей раньше, то я мог бы еще назначить служение и рукоположение раньше. Заочно благословляю тебя, дорогая дочь, на брак с молитвенным пожеланием счастливой и долгой жизни в любви, согласии, уважении, в довольстве во всем необходимом. Поручаю Тебя Господу и заступлению Божией Матери, святому Ангелу хранителю, святой Мученице Надежде.

Не забывай Бога, и Он тебя не оставит Своею милостию и помощью.

Всегда и во всем молись ежедневно, приобщайся Святых Таин ежегодно, не меньше разу. Не смотри на других, не стыдись людей.

Жизнь прожить – не поле перейти. Без скорбей не обойтись, а верующему в это время в религии и утешение, и помощь избавиться от скорбей или перенести их благодушно. Забвение Бога делает человека скотоподобным, беспомощным, озлобленным, тяжелым себе и людям. В тяжелое время человеку, который Бога забыл, нелегко Его восчувствовать и получить помощь и отраду...»

Дедушка жил скромно, всю свою жизнь помогал чем мог не только родственникам, но и просто нуждающимся людям, не заботясь о собственном достатке.

Родня

В годы войны наша семья (моя мама с четырьмя детьми) эвакуировалась из-под Ленинграда в г.Ярославль, где жила бабушка (мать отца) с младшим сыном. Они были не очень рады нашему приезду, поскольку время было трудное, голодное. Мой отец Михаил был несправедливо осужден военным трибуналом, вернулся только в конце войны, а вскоре был реабилитирован. Судимость с него была полностью снята, и он даже получил почетное звание «Заслуженный учитель РСФСР».

Дедушка тогда служил в области в 45 километрах от Ярославля. И вот, зная о нашем бедственном положении, вместе с пожилой, глубоко верующей женщиной, у которой он снимал квартиру, они впрягались в деревянные санки с плетеным верхом (туда грузили сухари, муку и прочую снедь) и отправлялись зимой к нам в Ярославль по льду Волги. Сколько часов они шли – трудно сказать. Летом речной трамвайчик покрывал это расстояние за четыре часа.

Как сейчас помню, когда они входили в дом, от них шел пар, а на спине у дедушки проступало большое черное пятно от пота. Немного отдохнув, отдав нам собранные припасы, которые нам помогали в то время выжить, попив чаю, они отправлялись в обратный путь. Надо было спешить, чтобы не опоздать на церковное богослужение.

И хотя мои родители никогда не обращались к нему за помощью, мы постоянно ее ощущали. Когда он служил уже в Архангельске, то помог нам купить деревянный дом. Узнав о моем увлечении музыкой, наказал родителям купить мне аккордеон.

Окружение

Необычными были и люди, которые его окружали. Летом мы с матерью ездили к нему в гости. Его домохозяйка Агрипина Никандровна Журавлева (мы ее звали просто «тетя Груша») встречала нас искренней радостью, стараясь побыстрее накормить. В молодости она отказалась от замужества, не принимала мясной пищи, полностью посвятила себя Богу. В течение всей своей жизни она не признавала советскую власть и не желала работать в ее учреждениях. Прислуживала в церкви, обходилась огородом и дарами леса (грибами и ягодами). Вместе с дедушкой уехала с Ярославщины в Архангельск и там тоже прислуживала в храме. А после кончины архиепископа Леонтия вернулась в родные ярославские края, где через несколько лет мирно отошла к Господу.

Вехи пути

Много скорбей пришлось пережить нашему дедушке за свою жизнь. По официальным документам, родился он 20 мая 1876 года в семье церковнослужителя в Новгородской области. В 1896 году закончил Новгородскую Духовную семинарию, где один год прослужил помощником инспектора, а после рукоположения в 1900 году стал служить священником. В 1931 году был арестован в храме

во время богослужения по доносу местного коммуниста и осужден по статье 58-10 УК РСФСР сроком на пять лет исправительно-трудовых лагерей. Срок отбывал на Соловках и в Кемских лагерях.

После освобождения сначала служил в с.Ильинском Ярославской области, а потом был переведен в чине благочинного в храм «Утоли моя печали» в райцентр Некрасовское. Будучи благочинным, часто встречался с Ярославским архиепископом. За свои труды снискал уважение ярославского владыки и по его рекомендации в 1944 году, после смерти своей супруги, был пострижен Святейшим Патриархом Сергием в монашество с именем Леонтий, а затем хиротонисан во епископа Архангельского и Холмогорского.

Семья

Моя бабушка Юлия Александровна (урожденная Сперанская) была тоже из семьи священнослужителя. Она была верной спутницей дедушки до конца своей жизни, безропотно переносила все невзгоды, тяготы, лишения, выпавшие на их долю. Как могла она охраняла семейный очаг, заботилась о детях и внуках.

Старшие дочери рано покинули отчий дом, обзавелись семьями. В тридцатые годы считалось непрестижным быть дочерьми священника. Особенно это сказывалось при поступлении на учебу и работу. Но они никогда не скрывали своего происхождения, старались всегда посещать храмы, постоянно поддерживали родственную связь со своим отцом владыкой Леонтием. До самой кончины дедушки дочери навещали его, приезжали в гости, советовались по всем своим делам. Младшие дети – Ольга и Николай – скоропостижно скончались еще при жизни родителей. Ольга была больна от рождения, поэтому и умерла. А Николай вместе с бабушкой Юлей в то время, когда дедушка находился в заключении, некоторое время

жили у нас, в г.Волховстрое Ленинградской области.

После его освобождения они втроем отправились в с.Ильинское Ярославской области, где о.Михаил продолжил в церкви свое служение Богу. В это время сын Коля заболел менингитом. Его отправили лечиться к старшим сестрам в Ленинград, где он и умер. Шли тридцатые годы. Было ожесточенное гонение на верующих и на Церковь. Дедушка особо не переживал смерть сына, потому что был твердо уверен, что тот попадет в Царство Небесное и что в начавшейся жестокой жизни ему было бы очень непросто найти свое место в жизни. Коля рос кротким, смиренным и глубоко верующим человеком, знал много молитв и заучивал наизусть большие отрывки из Священного Писания.

В храме иконы Казанской Божией Матери

Вскоре скончалась и бабушка Юля. Накануне ее смерти дедушке приснился вещий сон: будто бы они вдвоем едут куда-то на повозке. Внезапно повозка остановилась, бабушка сошла с нее, а дедушка отправился дальше.

В начале 50-х годов архиепископ Леонтий приезжал по церковным делам в Коми АССР. Республика Коми до недавнего времени относилась к Архангельской епархии. Некоторые прихожане церкви во имя иконы Казанской Божией Матери в местечке Кочпон помнят о том, как

владыка Леонтий проводил у них церковную службу. Не случайно наша семья отдает предпочтение кочпонскому храму. Здесь совершается крещение наших детей и внуков.

Возлюбив ближнего

Одна из заповедей Господних гласит: «Возлюби ближнего своего как самого себя». Вне всякого сомнения, владыка Леонтий выполнял эту заповедь. Вся его жизнь – это беспрестанная забота о ближних. Сам же он довольствовался малым, только самым необходимым. Те, кто служил вместе с владыкой и знал его лично, вспоминают его как удивительно смиренного и кроткого архипастыря. Жил он тоже очень скромно. Будучи владыкой, из дома на службы добирался пешком. Он твердо верил в то, что скорби и радости Господь посылает для нашего вечного спасения.

Дедушка скончался скоропостижно 28 января 1953 года от паралича сердца. Похоронен был у алтаря кафедрального Свято-Ильинского собора в Архангельске, в котором служил, будучи владыкой. На памятнике, изготовленном в виде аналая, запечатлены его предсмертные слова: «Дети мои, любите Церковь, молитесь Богу, молитесь за обижающих вас». За могилкой ухаживают и сейчас: приходят не только родственники, но и многие верующие, которые помнят и знают владыку Леонтия как замечательного человека и истинного архипастыря стада Христова.

Сейчас у архиепископа Леонтия более пятидесяти внуков и правнуков. Все мы свято чтим его память, храним не только письма, личные вещи, но и его высказывания. Светлая ему память!

С.М.БУТЫЛЕНКОВ, внук архиепископа Леонтия
Фото из семейного архива.

«ЕСЛИ Б ЛЮДИ ЗНАЛИ, КАК ОНИ ПРЕКРАСНЫ...»

Жизнь митрополита Иосифа (Чернова)

Среди лучших представителей русского епископата в XX веке можно смело назвать имя митрополита Иосифа (Чернова). У нас имелись мужественные борцы с властью и те, кто надломился под ее ударами, но был еще владыка Иосиф, который говорил: «Если б люди знали, как они прекрасны в своей индивидуальности и в своем таланте и талантах». Он обладал величайшим даром в каждом человеке отыскивать что-то замечательное или хотя бы хорошее, и оттого к нему тянулись и подвижники веры, и чекисты, а также православные, магометане, уголовники и т.д., и т.п.

Он был настолько увлечен людьми и тем, как спасти их души для Бога, что, пробыв двадцать лет в узах, совершенно не озлобился, вышел из лагеря обмороженный, измученный, но такой же счастливый – а отчего не радоваться, если Христос Воскрес. Богоборцы нас одолели? Да кто ж они такие – эти богоборцы? Не те ли несчастные русские люди, которые хоть и хорохорятся, но подобны детям, обезумевшим, оставшись без призора. Владыка не понаслышке знал их: его брат Алексей, с которым они вместе в детстве так любили славить Бога, стал советским прокурором.

Вспомним, как разделился народ в семнадцатом веке, во время раскола. Одни пошли за властью, другие встали за старый обряд. Третьи же, подобно родоначальникам Саровской обители Феодосию, Герасиму, Иоанну, оплавав и Никона, и Аввакума, продолжали возносить молитвы за род человеческий. Этот малый остаток и есть соль земли. Они

ничьи – они Христовы.

Эти заметки о владыке Иосифе написаны на основе разных рассказов и воспоминаний, например, архиепископа Брюссельского Василия Кривошеина и бывшего мусульманского богослова, а ныне иеромонаха Владимира (Утегенова) и т.д. Но главным источником стала книга «Жизнеописание митрополита Алма-атинского и Казахстанского Иосифа (Чернова), исповедника». Ее подготовил один замечательный православный человек из Казахстана – Вера Королева, читатель уже встречался с этим именем на страницах нашей газеты. В свое время мне посчастливилось побеседовать с ней лично, мы публиковали также собранные ею воспоминания о старце Севастиане Карагандинском.

Ко всему прочему, владыка Иосиф дважды отбывал срок в Республике Коми, и для Русского Севера он – человек не посторонний. И еще – владыка Иосиф был главным, наверное, кандидатом на Патриарший престол в 1971 году, его умоляли народ, собратья-архиереи и даже власти (по причинам, в которых мы еще попытаемся разобраться). Но владыка наотрез отказался.

Но все-таки самое интересное в нем – способность мирно и весело идти сквозь бурю, которая сорвала с места целые города и народы, но оказалась бессильна против этого слабого телом христианина.

Маленький «священник»

Родился он в семье военного. Предки его были саратовскими купцами, но отцу коммерция оказалась не по душе, да и к синодальной Церкви он прилеплялся все больше. Мать умерла, когда Ваня был еще ребенком. «И отец мой женился на белоруске, очень доброй девушке. Очень красивой, как крымская розочка», – рассказывал потом владыка. Были и другие воспитатели. «Я – сын роты, сын солдат, – вспоминал митрополит Иосиф. – С рук на

руки, с рук на руки, Ванюшка да Ванюшка, Ваня да Ваня. И все офицеры меня знали. И командир полка меня знал и подарки мне всегда привозил в роту, когда приезжал».

Одним из первых воспоминаний стал праздник архистратига Михаила, как шел он в храм в бархатных штанишках, сапожках гармошкой, кашемировой розовой рубашке и большой шляпе бриль с бантом сзади. Дело было в Могилеве, где служил отец, и потому погода была теплой. Шустрый мальчик попытался пробраться в алтарь, да только родитель перехватил, а настоятель потом смеялся, говорил отцу: «Михаил Наумыч, твой сын Вашутка очень рано хочет проникнуть в алтарь».

Играть он больше всего любил в священника, окормляя как русских, так и еврейских приятелей. Вспоминал: «Когда я «служил», то всех подряд – и своих, и их – «причащал» и «исповедовал» – епитрахиль свой на них клал, какой у меня был. И Земка, и Мойша, и Еська, и все эти жиденятки – и Роза, и Хаичка, и Груночка, и свои – Мишка, Гришка, Васька – это был один приход. Я, конечно, архиерей Могилевский и Мстиславский. Юбку надевал. Мамина юбка с сорока складками саккосом служила, утиральник белый – омофор. Если к осени дело шло, мы у соседки тыквы воровали, митры делали».

А иногда крестным ходом по улице шли. Подсолнухи вырвут с корнем – это рипиды, кукурузину вырвут – жезл. Идут человек 20 по улице и поют: «Тон деспотен...» Еврейские мамы, конечно, очень сердились, но разве за детками уследишь. Владыку эти детки потом всю жизнь любили, когда приезжал он в Могилев, угощали лакомствами.

Не всегда игры заканчивались благополучно. Как-то раз полезли на чердак, одни сами влезли, других как на Афонские скалы подняли в корзине. И началась «литургия». Огарки от свеч наворовали в монастыре, когда произнес

Ваня: «Призри с небесе, Боже, и виждь, и посети виноград сей... десница твоя...» и поднял руки народ осенить, на чердаке загорелись веники. «Я перепугался, – смеялся потом митрополит Иосиф, – разодрал «ризы своя» и стал быстро детей с чердака спускать».

Мама смочила веревку в огуречном рассоле и всыпала деточке своей по первое число. Не столько за пожар, сколько за вранье, чтоб никого не осенял и прочее.

Владыка припоминал: «Я вижу, что дело плохо... На колени перед иконой встал, руки поднял. Она по рукам, по рукам... Тогда мой брат Алексей, который прокурором стал советским и которого немцы расстреляли (а тогда ему было 10 лет), расстегнул пуговицу, к матери подошел и объяснился: «Мама, если ты Ваню бьешь за веру, то и меня побей, я тоже верую в Бога» – и в это время опустил штаны и показал ей заднюю часть. Тут мать остервенела, на Алексея напала. Тогда я быстро вполз под печку и стал дугой в устье печки, откуда выкатить меня кочергой мама не могла... Киндер шпилен... Вот такие детские игры».

* * *

Очень рано Ваня захотел поступить в монастырь. Однажды отдали его поработать у родственника, который содержал винную лавку и мастерскую гробов. Их там стояло около двухсот, в одном мальчик спал, а днем мыл бутылки и присматривал, чтобы вино не воровали. Тошновато было. И вот однажды приложился к мощам св. Евфросинии Полоцкой, а ночью в гробу своем увидел сон, будто снова несут преподобную до казенного парохода «Припять» (она Днепром приехала из Киева в Могилев). И вдруг начинает матушка подниматься со своего ложа. После этого мальчик больше уже спать не мог. И было полное решение: «В МО-НА-СТЫРЬ!»

Вскоре удалось добыть рекомендательное письмо в Бельничевский монастырь, мать дала им с братом Алексеем

три копейки и хлеба отрезала. И пошли. А в обители уже Ваня встал на колени перед Бельничевской иконой Богородицы и сказал: «Матерь Божия, прими же меня в свой монастырь, буду всех слухаться, молиться буду и работать». Брата в обитель не приняли, а Ивану наказали отвести Алешу домой и взять у родителей благословение на иноческую жизнь.

В монастыре он рано утром вставал, когда старший келейник еще спал, и ползал по залам, паркетные полы натирал, немножко не умеючи. Потом бежал на скотный двор за молоком для архимандрита Арсения, чай научился ему готовить. Архимандрит, по-видимому, был очень доволен. И в октябре, когда тому пришел указ о наречении его епископом Пятигорским, сказал: «Ваня, поедешь со мной? Я тебе возможное образование дам».

Образование

Слово свое владыка Арсений сдержал, образование мальчику дал, хотя митрополит Иосиф и шутил потом: «Меня иногда спрашивают: «Вы в академии учились или в университете?» Да, я и в академии лекции слушал, и в университете на лестнице был».

А далее с иронией пояснял, как однажды увидел в Киеве «красивую хату», зашел, стал подниматься по мраморной лестнице, да тут швейцар его обнаружил и вытолкнул из храма науки. «Помешал моему образованию швейцар. Ох, помешал он мне тогда! А в академии однажды за портьерой слушал лекции, когда владыка Арсений с ректором чай пили. Ничего не понял. Что читали – ничего не понял. Оттуда ничего не вынес, из академии, и в университете мне швейцар помешал. Ну, босиком же мальчик, и в шапке. А тут пальто висят, я ведь мог прихватить чье-нибудь! Швейцар был прав. Мог бы и палкой дать».

Но шутки шутками, а что было на самом деле?

Находясь при владыке Арсении, Ваня Чернов получил

«кабинетное» образование. Владыка приглашал лучших преподавателей Юга дореволюционной России. Лекции читали на дому. Некоторые предметы, в частности, математику, владыка Арсений преподавал сам. «Надо быть от природы обоим математиками, – писал впоследствии владыка Иосиф, – чтобы образованному человеку дошкольника начинать математике учить. Владыка Арсений безвестные и тайные премудрости в математике и диалектике явил ми еси...»

Кроме того, Иван изучил все творения святого Иоанна Златоустого, преподобного Симеона Нового Богослова и многих других святых отцов и учителей Церкви, великолепно знал жития святых Димитрия Ростовского и особенно Священное Писание. «Я читал все подряд, – вспоминал владыка Иосиф. – Илию Минягия читал, Флоренского читал, Достоевского читал, Пушкина читал, Гюго и Бальзака читал...» Этот ряд он продолжал очень долго, отмечая характерное, цитируя на память целыми страницами самое интересное. Вспоминал, как однажды владыка Арсений подал ему томик К.Маркса и Ф.Энгельса и сказал: «Прочитай, Ваня, и знай суть. Тебе придется жить при таком строе». Позже, будучи уже архиереем, владыка Иосиф поразит своего следователя, читая на память классиков марксизма.

Всю жизнь он занимался самообразованием и до конца своих дней читал одновременно 3 книги: богословскую, художественную (классические произведения) и периодические издания журналов научного и богословского содержания. При этом сам себя он называл «некнижный архиерей».

Владыка Арсений так его любил, что в 12-м году сделал Ваню иподьяконом. По всей видимости, самым молодым в Русской Церкви. Ваня, когда препирался с друзьями-монахами, с юмором восклицал: «Что архиерей?»

Ну что архиерей? Академию закончил – и архиерей. А попробуй в 19 лет орарь получить!»

Как Иван получил митру впрок

История эта хорошо показывает дух того времени. Митрополит Иосиф так ее передавал:

«В 18-м году в Таганроге произошло большое побоище: юнкерское училище вступило в борьбу с рабочими. 105 юнкеров и 95 рабочих убито. Владыка идет в исполком и просит: «Разрешите хоронить тех и других. Я архиерей для всех». Исполком разрешает. На кладбище привезли гробы. Рабочих на кладбище разобрали родные, а юнкеров свезли на кладбище и побросали в сарай, как дрова. Нам с иеродиакonom Николаем... поручено было надеть на трупы юнкеров белье, крестики, в гроб положить и заколотить. 105 гробов поставили вдоль траншеи. Владыка приехал отпевать, когда уже смеркалось. Владыка приехал, и красногвардейцы приехали, потому что жены рабочих кричали: «Обольем бензином и сожжем архиерея за то, что он белых хоронит!»

Приехали домой, все по-хорошему. Владыка, конечно, волновался и все время пил черный кофе и валерьянку. Я тогда еще не понимал, что это – валерьянка? Вот так мы и жили...

Через несколько дней приезжают в час ночи: «Комитет матросов постановил расстрелять архиерея. Он, – говорят, – белых на кладбище хоронил, а 5 матросов в портовой церкви не захотел хоронить, назвал их черными комиссарами!» Какая-то провокация. Я говорю: «Нет, я ничего не знаю, без меня ничего не делается, я секретарь, у меня все книги, я экононом архиерейского дома, этого быть не могло!»

На другой день приезжают во время всеобщей, думают, что архиерей служит. А владыка на подворье Иерусалимского монастыря сидит в сарае, весь засыпан

зерном и заставлен досками. Потом опять приехали в 10 часов вечера. Тогда я пошел прямо на подворье и владыке говорю: «Владыка, я иду в порт на объяснение к матросам». – «Да что ты! Да тебя в море бросят!»

С владыкой я не договорился, но в порт отправился. Я знал там все ходы-выходы и шел не дорогой, конечно, я увидел – там часовой стоит. Я юркнул в порт и на корабль прыгнул. Когда я в кают-компанию зашел, там было накурено, надышано, наплевано и уже заканчивался ужин – везде лежали куры, ноги, лапы, колбаса и бутылки с вином и водкой. Я был в полуряске, и все в один голос сказали: «Че-ерт!» Я говорю: «Не черт, а Ваня, экононом архиерейского дома». Вот этим они были куплены с первой минуты: «Совсем не черт, а Ваня-эконом».

Матросы: «Что вам угодно?»

Я: «Угодно договориться с вами навсегда: быть архиерею или не быть!»

Матросы: «Да-а, мать его такую, этот архиерей и поляк еще вдобавок, что ему рус-ское!»

Я: «Я только одно знаю, что когда его посвящали в архиереи в 10-м году, 24 октября, то он такую речь говорил: «Я очень долго собирался и наконец-то собрался убежать с темного запада к светлomu, хотя и в лаптях, востоку русскому!»

Все они: «А-а-а! – папироски в сторону, – но все-таки, все-таки конкретно!»

Я: «Конкретно – надо разобраться. Мы знать ничего не знаем, а вы все приезжаете и приезжаете. Архиерей в Ростове, но если надо, я его найду в три счета».

Матросы: «Но чем вы докажете, что вы ничего не знали?»

Я: «Когда моряков хоронили, в портовой церкви был священник Суринов. Давайте спросим у него».

Матросы: «Товарищи, возьмем Суринова. Давайте Суринова сюда».

Пришла машина, привезли Суринова.

Суринов (кляц-кляц, стучит зубами): «Ваня, и вы здесь?»

Я: «И я здесь, отец Иван. Садитесь, поговорим».

Суринов: «И все-таки (кляц-кляц), на какой предмет будет разговор?»

Я: «Увидите, на какой предмет. Вон предметов полный стол стоит (показываю на бутылки), давайте опрокинем по рюмочке».

Вот этим я их снова всех купил. Моряки сейчас же поналивали нам полные стаканы. Суринов, конечно, выпил весь стакан, я немножко прихлебнул.

Я: «Закусывайте!»

Но как он мог есть, когда у него зуб на зуб не попадает. Есть пришлось мне и лапы, и колбасу.

Я: «Отец Иван! Почему вы владыку не пригласили хоронить моряков?»

Суринов: «Какое же я имел право, Ваня, приглашать, когда там родные, родители их? Если бы родители сказали мне, то я пошел бы и пригласил владыку».

Моряки: «Ах, вот как! Так их растак! Как же они нас информировали? Вопрос исчерпан. Еще по рюмочке!»

Я (морякам): «Можно с вами завтра встретиться в городе, чтобы получить в исполкоме разрешение на панихиду? Владыка в двадцатый день отслужил бы панихиду в городском парке на клумбе и речь сказал. Владыка – юрист».

Моряки: «О-о-о! Это хорошо, это хорошо!»

В час ночи повезли нас по домам. Я сейчас же, не успела машина поворотить, пешком, пешком на подворье. В два часа ночи добежал, сразу к владыке:

– Все устроено! Вы служите на Сретение панихиду.

– Пся крев, – говорит, – Ваня, пся крев (это польское ругательное слово – собачья кровь)...

В одиннадцатом часу утра я встретился с Воробьевым в

коридоре на мраморной лестнице в доме бывшего богача, и мы пошли к Стернину – председателю исполкома. Стернин еврей, но очень хороший еврей, он и к Русской Церкви неплохо относился. Он сразу спросил: «Вам, батюшка, вина или угля, вероятно, нужно?» – «Да нет, панихиду будем служить. А вон, – говорю, – идет товарищ», – я показал на Воробьева. («Товарищ» я произнес первый раз в жизни. Как в Антиохии первый раз называли христиан христианами, так и я первый раз сказал «товарищ»).

Воробьев: «Ваня хочет с архиереем панихиду отслужить в двадцатый день смерти героев, наших товарищей. А мы хотели бы парад небольшой устроить. Надо оформить, товарищ Стернин».

Стернин: «Сейчас, сейчас, сейчас».

И написал на бланке областного исполкома: «ВАНЕ И АРХИЕРЕЮ. Разрешается 2-го февраля (тогда еще старый стиль был) отслужить панихиду над героями-матросами в городском парке на клумбе».

Такую бумажку я получил.

Я раскланялся, чуть руку не поцеловал этому Воробьеву.

Воробьев мне тогда говорит: «Может, пойдём выпьем?» – «Да нет, я спешу».

И я опять бегу на подворье и владыке, в щелочку сую бумагу и фонарь – читайте, мол. Владыка прочитал, не верит: «И это может быть обман»... Уже опасно было держать владыку на подворье, потому в 6 часов утра архиерей вызвал протоиерея Шумова, исповедовался у него... Когда мне это сказали, я, как сумасшедший, побежал, чуть не падая, на подворье – нужно было скорее архиерея перевести куда-нибудь... Сколько переживаний было и архиерею, и мне. Но я молодой был, у меня все это на сердце не отражалось...

Дал я двум благочинным (тогда два благочинных было в Таганроге) от имени владыки такое распоряжение: «Прошу

сообщить духовенству: 2 февраля я служу панихиду на могиле героев, то-то, то-то, то-то... Охотники за мной!» И расписался: «Епископ Арсений». Не предписание, а приглашение. «Охотники» все пришли. И больные, и безногие, на костылях, – все пришли. Пришел хор, и протодиакон пришел. Ровно в 5 часов приехал владыка, надели ему мантию, омофор, епитрахиль. Быстро отслужили панихиду, владыка слово сказал (он охрипший был немного на нервной почве).

По окончании нас немедля отвезли домой. Владыка сразу попросил кофе. Я сварил кофе и подал ему. У владыки дрожали пальцы. Потом он посмотрел на шкаф, где у него митры стояли: «Дай-ка мне вон ту, восьмигранную царскую митру». И прослезился. Я подал. Он открыл футляр и сказал: «Та голова, которая спасла архиерейскую голову, имеет право венчаться этим венцом в свое время».

Борьба с обновленчеством. Первый срок

16/29 августа 1920 года в Таганроге епископом Арсением иеродиакон Иосиф был рукоположен во иеромонаха. После хиротонии отец Иосиф в течение 1000 дней непрерывно совершал Божественную литургию, за что удостоился от Патриарха Тихона первой награды – золотого наперсного креста. В 24-м году возведен был в сан игумена.

О том, что происходило в те дни, вспоминал:

«...Кровь лилась везде и всюду непрерывно. Расстреливались крестные ходы. Таких случаев насчитывалось более тысячи. Русь покрывалась могилами священномучеников и исповедников. Ужас объял Русскую землю. Люди стали колебаться и отходить от своих устоев. Пошатнулась и Церковь... «Живоцерковники», поддерживаемые властями, захватили во многих городах абсолютно все храмы. Тихоновцы остались без храмов и кое-где совершали лишь тайные богослужения».

Суды над теми священнослужителями, которые не

присягнули сатанинской «Живой Церкви», шли повсюду. Попал на скамью подсудимых и владыка Арсений. Суд вынес решение: епископа Ростовского и Таганрогского Арсения расстрелять. Но поднялся такой страшный крик в суде и в огромной толпе возле суда, что за ним последовало: «Но, принимая во внимание и т.д., – заменить 5-ю годами лагеря».

Не все отцы пошли за обновленцами сознательно. Большинство, как водится, сделало вид, что ничего не происходит, среди них прозорливый старец Иоанн (Домовский). Владыка Арсений был очень встревожен, так ведь и душу можно погубить. Отправил к нему своего ученика – о.Иосифа, который потом рассказывал: «Страшно было идти к отцу Иоанну с таким поручением, так как он был не только прозорливец, но и целитель многих. Войдя в келью отца Иоанна, я остановился и сказал: «Отец Иоанн, я пришел сказать вам то, что поручил владыка Арсений». Когда я передал ему буквально слова владыки, отец Иоанн начал плакать и рыдать: «Передайте владыке, что я не знал всего, я хочу умереть православным».

В Таганроге, где встал во главе православных о.Иосиф, за ними оставался один только Никольский собор. Зато сколько народу туда ходило! «Живоцерковники» отчаянно завидовали и, в конце концов, сочинили донос властям... Срок ему назначили отбывать в Кольеле (Республика Коми). При расставании с Таганрогом произошло событие, которое застило глаза отца Иосифа слезами, заставило вспомнить детство. Тогда раз в год в Могилев приносили копию образа Бельничевской Божией Матери. Встречать ее выходили толпы народа, войска. Дети дорогу перед Пречистой Девой устилали цветами. Ваня это событие очень любил. Накануне подбивал других мальчиков и шел с ними за 7 километров в лес за ландышами. Собирали тяжеленную корзину, но однажды цветов на один квартал

не хватило.

«Что делать? – рассказывал владыка. – Я говорю: «Матерь Божья, цветов не хватает!» И бросился на Губернаторскую гору. Цветы побоялся рвать – высекут, так я нарвал всякой зелени: и лопухи, и крапиву, и что хотите понарвал в корзину и бросал все это до самого монастыря... И когда впервые меня в ссылку посылали, когда из тюрьмы меня вели в вагон... Давно, давно это было, я был тогда игуменом только, в 25-м году, так люди, которые меня знали и мою службу слушали, они всего меня обсыпали – это была осень – белой астрой. Тогда я только вспоминал: вот тебе цветы от Матери Божией. Я шел, а вокруг меня – по пяти, по пяти, по пяти – конвой с винтовками. Я шел тогда и вспоминал – вот сыпятся на тебя цветы Царицы Небесной за тот бурьян, который ты на Губернаторской горе рвал...»

Второй срок. Чибью

По освобождении игумен Иосиф был возведен в сан архимандрита. На главу его была возложена царская митра, та самая, которую подарил ему епископ Арсений в 1918 году. Епископская хиротония состоялась через пять лет. Назначили в Донскую и Новочеркасскую епархию. Он оказался единственным православным епископом в Ростовской области, удерживающим свою паству от живоцерковного соблазна. Вскоре пришлось перебираться в Таганрог. Алевтина Дикарева вспоминала потом:

«Мне было 8 лет, когда в 1934 году мама впервые привела меня к нему. Владыка жил недалеко от Никольской церкви, в расположенном во дворе небольшого частного дома маленьком флигелечке, вроде времянки, где была одна маленькая комнатка с земляным полом. В святом углу, где владыка молился, стоял аналойчик и маленький половичок лежал на полу, а под ним в земле углубление – от долгих молитв и многочисленных поклонов владыки просела

земля. В комнате у него стояли лишь стол, кровать и два стула. Но все чисто, даже белоснежно. Была у владыки старенькая прислужница Матрона, которая часто забывала, что нужно сделать. Помню, владыка хотел меня прихорошить – вывести веснушки, и где-то достал для этого специальную мазь. А Мотя той мазью самовар начистила».

В конце Рождественского поста 1935 года владыку Иосифа арестовали. На этот раз дали пять лет и снова отправили в Коми АССР, в Ухто-Ижемские лагеря.

Борис Филиппов, сам переживший ужасы пересылки, вспоминает:

«Плыть нужно не один день, так как утлый, тщедушный параходишко через силу тянет две гигантские баржи. В трюме нельзя протянуть ноги: забитый людьми и их немудренными вещами, удушливо-зловонный трюм – один из сквернейших кругов дантова ада. Сидим впритык друг к другу, обливающиеся грязным потом, обовшивевшие, изнуренные. И мечтаем только об одном: хотя бы на полчаса прилечь, вытянуть ноги, как-то расслабиться. Только небольшое пространство в трюме не затолкано до отказа: это место, где расположилось духовенство, с большими сроками, направляемое в лагерь. Русские монахи и священники, католические пасторы, меннонитский пастор, местечковые раввины, лютеранские пасторы и старичок мулла.

И среди них стройный, худощавый, в аккуратно подштопанном подряснике и черной скуфейке епископ Таганрогский Иосиф (Чернов). Любопытно, что к этой группе духовенства не пристают даже завязтые уголовники, не только их не «курочат» (грабят), но даже, как видно, освободили им лучшее и наиболее просторное место в трюме. И вдруг владыка Иосиф подходит ко мне и сидящему впритык со мною профессору-геологу Яковлеву, брюзге и чудаку, никак не могущему примириться с

условиями этапа... ведет нас к своей группе и предлагает часок-другой полежать, отдохнуть, а он, владыка, и меннонитский пастор Греберт посидят в это время: они, мол, уже належались в досталь. И так же после нас были позваны еще и еще другие замученные вконец заключенные, а владыка Иосиф все сидел и сидел, и с ним вместе уступали место то раввин, то католический пастор, то старый мулла».

Было за что заключенным уважать этих людей и стоявшего во главе их православного епископа Иосифа.

Подготовил В.ГРИГОРЯН

(Окончание следует)

«ЕСЛИ Б ЛЮДИ ЗНАЛИ, КАК ОНИ ПРЕКРАСНЫ...»

Жизнь митрополита Иосифа (Чернова)

(Окончание. Начало в [№ 470](#))

Второй срок. Чибью

В лагере епископ Иосиф одно время занимал отличную должность – выпекал сладкие булочки. Лишился он этого места при следующих обстоятельствах. В числе вольнонаемных за колючей проволокой работала женщина, которая одна воспитывала трех детей. Епископ помогал им, как мог, и воспыкала женщина к нему страстью. Пришлось перевестись в туберкулезную больницу. Надо было обслуживать 90 коек – ночью вымыть 90

плевательниц, чтобы к утру они были чистенькие. Пока больные уголовники спали, он ползал под нарами, иногда нечаянно задевал кого-нибудь из уголовников, за что его спросонья пинали ногами. Плевательницы были деревянными и впитывали в себя всякие мокроты. Другие заключенные скоблили их щетками, но владыка

выскабливать щеткой не успевал, ему не хватало времени. И однажды он заплакал и сказал: «Господи, неужели Тебе приятно, что Твой архиерей возится в плевательницах? Но если Тебе это угодно, то я буду мыть их руками». И стал мыть архиерейскими руками и скоблить ногтями. «Но для меня это было лучше, – говорил владыка, – чем терпеть искушения от «египтянки».

Пришлось поработать и на лесоповале, где он обморозил пальцы на руках и ногах, возить гробы за пределы зоны. Однажды зимой сани опрокинулись. Вспоминал: «Когда я очнулся, пришел в себя, то увидел, что сижу в глубоком снегу, а рядом со мной сидит один из покойников, которого я вез на захоронение». Всю ночь пришлось вытаскивать мертвецов из оврага. Но владыка говорил, что это его занятие было промыслительным, потому что он тут же, пока вез умерших, совершал по чину отпевание, так как имена их были ему известны. Если же не знал имени, то произносил: «...упокой, Господи, душу раба Твоего, имя которого Ты Сам веши...»

За лагерем последовала ссылка, от которой удалось освободиться довольно любопытным образом. Был в Республике Коми главный чекист, который ведал ссылками. Тетя этого генерала упрашивала племянника не стеснять осужденного епископа. «Ну ладно, – соглашался тот, – можно молиться ему, сколько он хочет, но чтобы собиралось не больше 3-4 человек. И посылки, и письма пусть получает, и еще что потребуется – разрешим».

Владыка раз пошутил в его присутствии, прикрывая свою прозорливость:

– А что, если тебя, генерала, на высокую должность в Москву вызовут?

– Да как это меня из провинции в центр возьмут? Там много ученых.

– Ну, если тебя переведут на эту должность, то дай

обещание, что освободишь меня и моего соседа ксендза, (и еще одного заключенного назвал).

Спустя какое-то время генерал вновь подошел к владыке, внимательно разглядеть, с кем имеет дело. Долго ходил вокруг, разглядывал. Потом заметил:

– Да, Иван Михайлович, вы, действительно, не простой человек, вы связаны с Богом.

Оказалось, что получил приказ ехать в Москву на повышение. Через несколько месяцев пришли бумаги об освобождении владыки Иосифа и тех людей, за которых он просил.

«*Меня дети любили...*»

Так и приходилось кататься владыке многие годы с Юга на Север и обратно. Из Коми поехал в Азов, где нужно было искать жилье и работу. На счастье, одна из духовных дочерей епископа Иосифа работала директором детского сада. Он нашел ее и попросил: «Помоги, мне надо существовать».

Впоследствии, как пишет Вера Королева, владыка всегда очень умилительно вспоминал детские горшочки, которые стояли в яслях целой стопочкой и ополаскивать которые тоже входило в его обязанности. Он рассказывал, как ночью, бывало, просыпались дети, и он их, полусонных, приносил на руках или подводил за руку и сажал на горшочки. «Меня дети любили, – вспоминал владыка, – и это меня очень радовало».

Вскоре обнаружилось, что в Азове существует тайная община почитателей праведного Иоанна Кронштадтского, именуемая «Белый дом». До революции «иоанниты» доставляли много хлопот избытком ревности и недостаточной церковностью. Но постепенно они избавилась от крайностей. В Азове «иоаннитов» жило немногим меньше 40 человек. По документам они были женатыми или замужними людьми, но на самом деле жили

по-монашески: женщины в одном помещении, мужчины в другом. Днем работали на рыбокомбинате, а в свободное время во главе со своим пастырем отцом Федором Легаловым молились, служили. Поначалу они настроены были оппозиционно к Московской Патриархии, но, познакомившись с владыкой Иосифом, стали поминать на литургиях митрополита Сергия Страгородского. Убедившись, что епископ тверд в вере, они забрали его к себе. Жезлоносцем у него стал маленький мальчик. Во время ночного богослужения он укладывался у ног владыки и засыпал. Жил епископ в подвале, подальше от любопытных глаз.

Там, в «Белом доме», и застала его война.

Война

Приход немцев хоть был бедой, но народ так натерпелся от большевиков, что поначалу вздохнул с облегчением, не заметив, как попал из огня, да в полымя. Голодные, нищие люди самоотверженно восстанавливали храмы, украшали их уцелевшими, схороненными от богоборцев иконами. Владыка Иосиф начал открыто служить в Таганроге, но немцы с самого начала его невзлюбили за то, что он поминал на богослужениях имя Патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия. Даже когда митрополит публично отрекся от всех священников, служивших на оккупированных территориях, владыка остался верен Первоиерарху, понимая, что тот не свободен в своих действиях.

Как-то немецкий комендант спросил владыку, чем он может помочь гитлеровской армии. Тот ответил, вспомнив профессии, освоенные в лагере, что может белье стирать и дрова рубить. Но немцу нужно было другое. Он потребовал совершения молебна за победу немецкого оружия. Владыка наотрез отказался. После этого ему запретили покидать Таганрог.

В 1943 году владыка спросил у таганрогской блаженной Марии, которая ему была как мать, что ждет его в будущем. Она ответила:

– Деточка, немцы уйдут, русские победят.

– А мне что делать?

– Коли останешься с русскими, то изобьют – прямо вот так в рай. Коли немцы останутся – забьют. В рай! А когда немцы уйдут и большевики придут и не забьют – це Мария уже нэ знаэ...

Накануне Рождества последовал новый арест, один из самых страшных в жизни епископа Иосифа. Он просидел 66 суток в гестаповской тюрьме. Окна в камере смертников были без рам и без стекол. На улице стояли морозы. Владыка был в легкой одежде, со дня на день ожидая расстрела. Потом говорил о себе в третьем лице:

«Я знаю одного архиерея, который муки холода на себе перенес. Его забрали из дома зимой в одном подряснике и посадили в холодную камеру, в которой продержали 66 суток. И вот, в какой-то момент он понял, что замерзает. Встал на коленочки и так молился, что почувствовал теплоту. Он согрелся и остался жив».

Обвинили его в связях с Патриархом Сергием и... работе на английскую разведку. Такое впечатление, что следователей гестапо и НКВД готовили в одном месте. Правда, немцы так и не узнали самых «страшных» его «грехов» – то, что владыка спасал евреев, а партизанам давал белье, деньги и завтраком кормил, так как они приходили рано-рано утром, и сам своими руками мыл им голову у себя в кабинете и ноги. Но это уже не имело значения... Его участь была решена. Во всяком случае, так думали гитлеровцы.

Однако тюрьму они практически не контролировали. Вот как рассказывал об этом сам владыка: «Я сижу в кладовой, заставленный кроватями, ведрами и всякой всячиной. Туда

перевел меня на рассвете из камеры № 7, что на шестом этаже, помощник начальника гестапо, немец по национальности, но немец русский, фольксдойч из города Энгельса. Забил меня в угол и заставил, чем мог: «Я вас спасу. Я буду у вас бывать». И вот под Рождество до трех часов ночи вызывали заключенных на расстрел. Возили все время в Красный Яр, и там «черный ворон» сваливал людей по принципу самосвала. Затем их обсыпали каким-то химическим порошком, в это время строчили и после неглубоко закапывали. Так приезжали 3 раза до трех часов ночи. Раскрывали большую книгу и по ней выкрикивали: «Иии-ванов». – «Есть». – «С вещами!» В три часа все смолкло. Приходит ко мне фольксдойч и говорит по-немецки: «Вы в большой книге уже помечены как расстрелянный». Он меня обнял и поцеловал: «Послезавтра мы уходим, а завтра вы посидите спокойно здесь».

Не уважал владыка фашистов. Так потом и говорил во время допроса на Лубянке: «Так вы думаете, я расстреля боялся? Я был подготовлен. Я одного боялся, что они, паскуды, плохо расстреливают заключенных. А вы – герои. Вы умеете хорошо расстреливать».

Последний срок

После освобождения советские власти поначалу отнеслись к владыке спокойно. Даже писатель Борис Полевой написал о нем, что вот познакомился, мол, с одним развеселым архиереем, довольно мужественным человеком.

Но с большевиками никогда не угадаешь, на чем погоришь. В вину поставили тот факт, что по немецким спискам он расстрелян. Дальше началось что-то невообразимое.

Вот как писал потом архимандрит Иоанн (Алексеенко):

«Летом 1944 года мне, как благочинному г.Таганрога, вдруг привезли владыкин чемодан и сказали: «Владыка утонул, вот его вещи». В чемодане действительно были его

вещи: серебряный на престольный крест, облачение – саккос (у меня долгое время был его саккос, а потом я передал его в Пантелеимоновский монастырь на Афоне, когда ездил туда), омофор, все облачение, кроме митры. Жезл раскручивающийся был в чемодане. Но я не мог поверить, что владыка утонул, и стал его искать...»

Нашел. Да так нашел, что по одному делу им пришлось идти, так как оба они были связаны с тайным монастырем «Белый дом». Нашлась предательница, которая донесла на общину куда следует.

На этот раз владыку отправили под Челябинск. Ростовская и таганрогская паства помогала ему пережить годы заключения, отправляя в лагеря посылки с продуктами и теплой одеждой. Однажды владыка пишет: «Валенки украли». Решили, чтобы больше не крали, послать валенки разные – один черный, другой белый. Так в разноцветных и ходил.

О том, как относились к епископу Иосифу заключенные, вспоминал бывший зэк Алексей Сапожников:

«...Слышу, в людях чуть не споры. Каждый хочет его, такого «крупного гуся» (так называли), в свою бригаду. Его уважали. Он, хоть и зэк, но не ровнялся с нами. У него отношение к людям особое было. К нему тянулись, потому что, когда стоишь около огня, он тебя греет».

Много было и приключений. Тайно приходилось крестить детей офицеров НКВД, по просьбам их жен. Однажды самому довелось роды принимать. Как передавал рассказ владыки старец Наум из Троице-Сергиевой лавры, акушерка отлучилась, а «санитарки – бежать от страха, кричат:

– Иван Михайлович, владыка, помогите!

– Да что же, я ведь не женщина, а мужчина, и мне не положено. Вы сделайте, что можете, сами помогите ей.

– Ой, мы боимся, помогите!»

Родился мальчик. Владыка отрезал пуповину, потом младенец закричал.

Так проходил его последний, долгий срок.

Алма-Атинская кафедра

В Казахстане владыке Иосифу велено было жить в городе Кокчетаве. Русские побоялись его к себе пустить, поэтому приютила епископа многодетная казахская семья Кенжегариных, жившая в маленьком саманном домике. Один из малышей, когда вырос, вспоминал:

«В 1954 году у нас умер дедушка, и когда владыка пришел в нашу семью, мы, дети, стали называть его «ата», что по-русски означает «дедушка». Как дедушка он нам был... Уже после армии я приезжал к нему в Алма-Ату. Почему приезжал? Потому что я хотел с ним повидаться. Он нам как родной отец был, даже лучше, и мы любили его».

Возглавляя потом епархию, владыка объезжал раз приходы и заехал в Кокчетав. И вот идет служба, епископ стоит на кафедре, и вдруг вбегает в церковь воспитанник его – казах, бросается к владыке, обхватывает его за ноги и ревет: «Мой ата! Мой ата!» Иподиаконы оторвали его от архиерея, успокоили, посадили на скамейку. Владыка потом дарил девочкам из семейства Кенжегариных золоченые часики, отрезы с казахским орнаментом на платья. Он так и остался для них дедушкой.

В Кокчетаве за ним строго следили местные власти, не давали даже под благословение к нему подходить, тем более служить в храме. Поэтому владыка становился за печкой и там молился. Женщины стали стелить там для него круглый домотканый половичок. А епископ Иосиф стоял за печкой и плакал. Особенно плакал во время литургии.

Наконец в 1956 году закончились его мучения. Сначала он был назначен настоятелем того храма, где ему не давали

служить, потом стал викарием Алма-Атинской епархии. Возглавлял ее тогда св.Николай (Могилевский), дивный светоч нашей Церкви. Однако после его смерти между православными в Алма-Ате вспыхнула настоящая война. Две группы верующих выдвинули каждая своего кандидата-архимандрита на вдовствующую кафедру. Перессорились насмерть.

Свято-Никольский собор в г.Алма-Ата

Когда прибыл один из вновь назначенных архиереев, несколько женщин бросились под колеса его автомобиля, чтобы не допустить в Никольский собор. Через несколько дней две из них погибли под колесами другой машины, но остальных это не образумило. Патриархия не знала, что делать, зато власти оживились. Шел 1960-й год. Это был разгар хрущевских гонений, и дело шло к ликвидации Казахстанской епархии. Оставалась последняя надежда – на владыку Иосифа.

Захватывать кафедральный собор владыка даже и пытаться не стал. Зашел, приложился к иконе, оттуда отправился в епархиальное управление. Вскоре прибыла делегация, заявившая: «Если вы, владыка, еще раз появитесь в соборе, мы вам кишки выпустим! Здесь должен быть архиереем наш настоятель!» А он им сразу: «Ну, ничего, отныне кафедра будет в Казанской церкви!» Этого они не ожидали. Настроение сразу переменялось, патриотизм приходской взыграл, и вскоре та же толпа

появилась с цветами, упала в ноги: «Владыка, простите! Не оставляйте собор!» – «Ну, хорошо, будем служить в соборе!» Вся дорога от его дома до самого Никольского собора (около километра) была устлана розами.

Полет Гагарина

Полет первого человека в космос вызвал огромное воодушевление безбожников. Очевидно, власти решили использовать его как некий величайший аргумент в борьбе с христианством. Оживились они и в Алма-Ате, стали интересоваться, как владыка отреагирует. Он думал, думал, потом на проповеди объявил: «Братья и сестры! Вы знаете, в какое время мы живем, какой прогресс совершается в мире! Много ученых изобрели много хорошего! А слышали вы – последнее событие произошло: наш молодой человек – Юра Гагарин – побывал в космосе! И оттуда вернулся! А ему, когда он полетел, Хрущев Никита Сергеевич сказал: «Юрочка, посмотри, есть там Бог или нет?» И так продолжил владыка: «Юрий Гагарин Бога не видел, ...а Бог его видел! И благословил!»

У него было прекрасное средство борьбы с безбожием, хотя он не специально к нему прибегал, а в силу воспитанного в вере характера. Средством этим была доброта. Окрестные жители в трудные моменты всегда приходили в его дом и просили: «Владыка, помогите!» И он всегда, чем мог, каждому помогал. Соседских детей владыка всегда угощал конфетами, делал им подарки. А девочка Лена, жившая в соседнем доме и особенно любимая владыкой, каждое утро подбегала к забору и находила на нем кулечек шоколадных конфет, который владыка оставлял для нее. Он самолично каждый день заворачивал в платок или бумагу несколько пригоршней конфет и рано утром оставлял их на заборе для этой девочки.

Он говорил: «Когда человек перед моими глазами, на лице все написано, я вижу, что за человек, и знаю, что

сказать. Я не боюсь никакого вопроса ни от кого. Если б люди знали, как они прекрасны в своей индивидуальности и в своем таланте и талантах». И еще говорил владыка: «Самая дорогая ценность – все же не золото, деньги и богатство, а человек, его достоинство, его честь, его душевная красота: душевная красота на фоне веры, или вера на фоне душевной красоты».

Перед его натурой терялись даже начальники-богоборцы. Понимали, что церковник, но как такого человека по-человечески не уважать. Раз приехал из Москвы сам Фуров, зампред Совета по делам Русской Церкви. Вошел со свитой в дом, видит: владыка стирает подрясник. Увидев гостей, смутился, те рассмеялись. Потом отправились в его келью, архиепископ снова смутился. Сказав: «Минуточку, минуточку, здесь женская рука отсутствует», кое-как прикрыл покрывалом постель. Когда они выходили, владыка отстал, и Фуров, воспользовавшись этим, сказал местному уполномоченному: «Самый нищий архиерей!»

Никакие полеты в космос не могли ослабить впечатления на людей от этого бескорыстия.

Выборы Патриарха

После смерти Патриарха Алексия Первого встал вопрос, кого избрать на его место.

Некоторые архиереи поглядывали на владыку Иосифа, к тому времени – митрополита, как на юродивого. Но сначала к нему обратился митрополит Питирим (Нечаев), потом обратились около двух тысяч московских верующих и духовенства с просьбой – не отказываться ради блага Церкви стать кандидатом в Патриархи, добавляя, что, в противном случае, он ответит пред Богом на Страшном Суде.

Неожиданно их мечта совпала с желанием властей. Видно, Фуров, уважавший человеческие качества, многих убедил, что это лучший выход. Практически единственный

раз в истории Церкви власть и православная общественность, в том числе настроенная оппозиционно, полностью сошлись тогда во мнениях: лучшей кандидатуры не найти. Православные видели во владыке безукоризненного ревнителя веры. Власть понимала, что, поддержав митрополита Иосифа, сможет произвести превосходное впечатление на оппонентов за рубежом и на православных внутри страны. Но владыка наотрез отказался... Фуров лично убеждал митрополита Иосифа: «Годы ваших заключений не станут для вас препятствием». Местный уполномоченный Вохменин предлагал: «Выставляйте вашу кандидатуру в Патриархи, мы вас поддержим». На что митрополит Иосиф ответил: «Мне вашей поддержки не надо».

Так и не стал Патриархом, а выбором в Предстоятели своего старого друга митрополита Пимена был доволен. Как старший по хиротонии в российском епископате, вдвоем с другим старейшим иерархом, он должен был облачить новоизбранного Первосвятителя. Рассказывал: «И когда мы надели на него куколь, лицо Первосвятителя преобразилось и стало как лицо ангела. Это был небесный человек, на него страшно было смотреть».

И продолжал: «Доложу, где я был. Были на обеде. За обедом я позволил себе немного повеселить Первосвятителя, и владыка Святейший смеялся, как мальчик. И даже руками придерживал свой живот и говорил: «Владыка! Владыка! Я никогда в таком веселье не был, как сегодня! Вы как в детство меня вернули!» Вот так я провел время в Москве».

Отказываясь от патриаршего престола, митрополит Иосиф всем объяснял, что он неуч, на самом деле была другая причина. За несколько десятилетий до описанных здесь событий ему велела отказаться от патриаршества блаженная Мария Таганрогская.

«Сукрест-накрест!»

Один пожилой казах переходил по мосту речку. Ступил на мост и обомлел – на перилах шайтан сидит и на него смотрит. Собрался с духом старик и крикнул ему: «Эй, шайтан, уходи!»

А он не уходит. Взмолился старик: «О, Аллах, помоги, помоги прогнать шайтана! Шайтан, уходи!» А шайтан все равно не уходит.

Вспомнил тогда пожилой человек, что где-то здесь недалеко «русский бог» живет – так звали казахи митрополита Иосифа. Прибежал к нему старик, объяснил ситуацию: «Отец, помоги!» Владыка отвечает: «Ты скажи ему: «Христос воскрес!» – и увидишь, что будет. Повтори сейчас, да не забудь по дороге».

Идет старик и повторяет: «Христос воскрес!» Однако пока дошел – забыл. А шайтан сидит, будто дожидается. Тогда старик выпалил ему так, как вспомнил: «Сукрест-накрест!»

И шайтан мгновенно пропал.

Через неделю старик привел в Никольский собор всю семью креститься.

Однажды владыку спросили, можно ли иноверцам, например, казахам, дать освященной воды, помазать их святым елеем, прочитать молитвы.

Митрополит Иосиф ответил: «Можно и нужно! Долг священника – преподавать, утешать, укреплять. Эта наша живая, прямая обязанность. Нередко приходится сталкиваться с таким явлением: имам или мулла говорит: «Я в этом не могу тебе помочь, иди к «урус молла», у него проси помощи». И, когда приходят к вам, не надо ставить условия – отрекайся от своей веры и принимай нашу». Дайте то, что он просит, помня о том, что Бог Отец есть Бог и Любовь для всех».

Владыка твердо, всю жизнь стоял на том, что православие

– это не конфессия, внутри которой христианин может вариться. Православный – выше всех религий, каждый, глядя на него, может сказать: «Так вот каким должен быть человек». И тогда уже поинтересоваться, какая же вера сделала его таким?

В июле 1973 года Алма-Ате угрожала страшная опасность. Архимандрит Наум Свято-Троицкой Сергиевой лавры вспоминает: «В 1973 году намечалось в Алма-Ате большое бедствие, жара очень большая (при такой жаре оттаивают льды даже на Арарате и остов корабля Ноева ковчега всем виден бывает, и туда путешествуют кто может и желает). В Большом Алма-Атинском ущелье была широкая дамба, высотой 100-120 метров. (Взрывали горы, камнями перекрывали ущелье и возили землю заранее). Но было предчувствие катастрофы – пастухи-казахи спешно гнали скот на высоту гор... Миллионы кубометров воды накопилось у плотины – земля начала пропитываться влагой, и вал-дамба вот-вот могла не выдержать, и вода, получившая простор, с огромной скоростью должна была хлынуть по ущелью в город».

И тогда власти отправили к владыке уполномоченного по делам религии с весьма деликатной просьбой. «Иван Михайлович, – сказал чиновник, – у нас вот такая критическая ситуация. Так вы ТАМ походатайствуйте». Не сказал «помолитесь», но – «походатайствуйте».

Владыка Иосиф утешал руководство республики: «Беды не будет, мне Николай Угодник поведал – молитвы ваши на земле и на небе принял Бог, и беды не будет. Хотите, я по радио выступлю и скажу слово утешения людям?»

«Укрепились начальники города духом, – вспоминал о.Наум, – организовали контроль. Все оцепили, на мотоциклах – объезды, стали перебрасывать по воздуху баржи, насосы, трубы, шланги больших диаметров и большой длины и перекачивать воду из одного

образовавшегося водохранилища в речку; и постепенно включали выходные засоренные шлюзы, водопроводы. И вода стала убывать, и по молитвам Церкви жара стала спадать – катастрофы не случилось».

Все взгляды – верующих и неверующих, русских и казахов – обратились с изумлением к владыке Иосифу, верному стражу Алма-Аты.

Особенные свойства

Один постоянный прихожанин Никольского собора, устав от тяготивших его семейных проблем, впал в уныние и, стоя на службе, размышлял: «Брошу их (жену и детей), завербуюсь, уеду на Север, буду им деньги посылать, и все. Хватит, надоело!» Вдруг владыка, выйдя на проповедь, начал свою речь с «эпиграфа»: «Брошу! Завербуюсь! Уеду на Север! Деньги буду посылать! Хватит, надоело... Да? А крест твой кто же за тебя нести будет? А? Вот, дорогие мои, внимание нашего сегодняшнего краткого повествования обращено на тему крестоношения: как мы должны нести свой крест, данный нам от Бога...»

Сам он так до конца его и нес. Мечтал под конец жизни пожить в Троице-Сергиевой лавре – отдохнуть. Но не вышло. Одна из духовных дочерей вспоминала:

– В последний раз я пришла к владыке в 5 часов вечера 4 сентября. Он благословил меня и говорит:

– Слушай, ты меня отсюда увези.

– Куда же я вас увезу, владыка?

– В Алма-Ату.

– А вы где находитесь?

– Как где? В Каскелене я нахожусь.

– Нет, владыка, вы в Алма-Ате находитесь.

– Ах, в Алма-Ате! Ну, тогда меня везти некуда.

Владыка повернул голову и стал пристально, с интересом смотреть в одну точку. Через некоторое время я спросила:

– Владыка, что вы там смотрите, что вы видите?

Он ответил:

– Сонм бесплотных.

Когда-то на допросах следователи, поражаясь силе его веры, честности и неподкупности, говорили: «Христианство имеет особенные свойства!» За полгода до смерти владыка сказал: «Эти слова можно будет написать и на моем кресте».

Подготовил В.ГРИГОРЯН

НОВЫЕ СВЯТЫЕ ИМЕНА

Большое число христиан-новомучеников было канонизировано в самом конце прошлого тысячелетия. Но работа по поиску новых имен, житийных биографических материалов, самих останков – работа будничная и кропотливая продолжается.

Имена и архивы

Комиссия по канонизации при Вологодском епархиальном управлении состоит из трех человек. Председатель ее, священник о.Алексей Бреленков, и двое мирян – Елена Стрельникова и Константин Козлов. В послесоборный период комиссия еще не заседала, но материалы собираются, документы готовятся. География деятельности, да и проживания членов комиссии широка, за каждым «закреплены» определенные районы Вологодской области.

Председатель о.Алексей служит в Грязовце, он начинал всю эту работу, когда приоткрыли архивы КГБ. Брал материалы, изучал дела, составлял синодики расстрелянных. Сейчас – для канонизации новомучеников – этого не достаточно. Отец Алексей больше искал имена, даты для церковного поминовения. Но требования комиссии по канонизации более строгие: не был ли пострадавший от властей обновленцем, не выдавал ли своих сомолитвенников? Тут приходится всю жизнь человека прослеживать, а это требует большого кропотливого труда и

много времени.

По каким критериям работает комиссия? В первую очередь смотрятся следственные документы: не подписал ли человек ложное обвинение на себя, а тем более на других. Если это так, тогда о канонизации не может идти речи. То есть материалы надо собирать почти заново, прослеживать людские судьбы, ведение допросов.

Сейчас готовятся материалы по канонизации архиепископа Архангельского Антония (Быстрова). Уроженец Вологодского края, он был священником, потом настоятелем монастырей вологодских, викарным епископом (с 1910 года – епископ Вельский). Позднее стал архиепископом Архангельским. По мнению членов комиссии, человек он в высшей степени канонизации заслуживающий. Будучи в преклонном возрасте, он мужественно переносил все тяготы. Скончался мученически в заключении, нигде – ни на следствии, ни в тюрьме – себя не запятнав, не опорочив. О его поведении в тюрьме можно прочитать в 9-м томе истории современной Русской Церкви.

Второй человек, чье имя готовится к канонизации, – это иерей Владимир Третинский. Он был расстрелян по приговору НКВД в 38-м году. Однако история этого христианина трагична вдвойне. Еще в 18-м году на окраине деревни Бекетовская была расстреляна его родная матушка. (Имя ее пока не установлено, идут поиски. Есть надежда, что, по крайней мере, церковные записи должны быть).

Сначала власти позарились на ее имущество и выгнали из дома. Поводом же для расправы послужило то, что большевики принесли в церковь портрет Ленина, поставили там, а она вынесла этот портрет из храма и заменила иконой Божией Матери. Потом из Кириллова пришел карательный отряд. И эта женщина вместе с еще несколькими односельчанами была без суда расстреляна. Ее убили так же, как святителя Варсонофия.

После того, как случилась эта трагедия, и церковь в их деревне была закрыта, о. Владимир перешел в другое место. Служил в деревне Тарасовской Важегодского района. В 37-м году его обвинили в... порче избирательных бюллетеней. Отец пятерых детей, он был арестован вместе с тремя мирянами и в январе 38-го приговорен к высшей мере наказания. Так принял венец мученика русский священник Владимир Николаевич Третинский, сын священника и матушки, которой еще прежде выпал такой же венец. Материалы собираются на обоих.

Честные останки

Уже канонизированный святитель Варсонофий (Лебедев), родом из города Боровичи Новгородской епархии, был назначен епископом Кириллова за полтора года до своей кончины. Одновременно он был настоятелем Кирилло-Белозерского монастыря. Жизнь проводил очень чистую и, можно сказать, прямым путем восходил к мученическому венцу. Он был расстрелян в числе первых в сентябре 18-го года.

Это была обыкновенная карательная акция в ходе красного террора, никакой вины у него перед властью не было. Ему не позволили даже зайти в монастырь и причаститься перед смертью. Просто вывели по дороге и расстреляли в трех верстах от Кириллова на горе Золотухе. *(Об этом мы писали в № 356).*

В прошлом году на том месте, где были убиты и там же закопаны святитель Варсонофий вместе с игуменией Серафимой и четырьмя мирянами, начались раскопки. Проводились они силами епархии и государственных органов Вологодской области, но результатов не дали.

В этом году, в самом начале мая, Константин Козлов и Елена Стрельникова участвовали в поисках мощей уже вместе с комиссией, прибывшей из Москвы. Приехали два священника: о.Дамаскин (Орловский) и о.Максим

Максимов. Игумен Дамаскин возглавляет Фонд новомучеников, который занимается вопросами канонизации, подготовки их. Иерей Максим Максимов – секретарь комиссии по канонизации святых при Синоде. С ними приехали двое археологов с большим опытом обретения мощей и еще несколько человек, которые помогают в работе по сбору исторических сведений и поиску мощей. Группа опытная. Эти люди на Соловецких островах, на Анзере раскапывали и обретали мощи. Теперь, по благословению владыки Максимилиана они начали такую работу и в Вологодской епархии.

Копали на Золотухе. Появились уточняющие данные, которых не было в прошлом году. Тогда копали выше свинарника, в этом году стали искать ниже. У о.Дамаскина появились новые сведения о неких 50 саженьях от дороги. Кстати оказались и двое свидетелей, которые когда-то видели лежавший на земле крест, который мог означать место погребения. Оба указывают примерно один пяточок в радиусе 10 метров – уже ориентир.

Выкопали около 8 шурфов, довольно глубоких. И оказалось, что там еще очень большой наносной пласт от коровника, от костей. Получилось, что до материкового, прежнего, уровня раскопки и не дошли.

Раскопки пока прерваны. Обоим батюшкам надо было возвращаться в Москву по служебным делам. Работы продолжатся где-то после 25 мая. Предполагается сразу бульдозером сдвигать этот верхний грунт. В прошлом году отвал от коровника тоже сдвигали. В глубину он был около полутора метров. Поэтому раскопки давали искаженные результаты, хотя проверяли тогда локаторами и другими приборами, что были у криминалистов. В этот раз поиски идут исключительно старым способом, без каких-либо приспособлений. Но москвичи надеются достичь результата.

Из древности

Владыка Максимилиан заинтересован, чтобы проверили: нельзя ли обнаружить мощи прп.Нила Сорского? С их историей не все однозначно. Считается, что они обрелись иеросхимонахом Никоном, об этом было донесение в Священный Синод от некоего монаха Израиля. Точного известия о местонахождении мощей нет.

Ныне искать начали у прп.Нила Сорского в церкви. Поднимали пол в церкви Тихвинской иконы Божией Матери. Раскопки шли в храме, где сейчас столовая дома инвалидов, что расположен в Нило-Сорской пустыни. Храм этот несколько раз перестраивался, менялся фундамент. Пока посмотрели один придел. Возможно, придется двигаться дальше вглубь храма. Кстати, приезд священнослужителей из Москвы сильно упростило дело.

Далее рассказывает Елена Романовна Стрельникова:

– Для нас это большая помощь, потому что в прошлом году со своими только силами мы сиротливо себя чувствовали. А тут приехали люди от Патриархии, и уже по-другому перед нами двери открываются, иначе договариваются люди, многие идут навстречу. В этот раз удалось избежать многих сложностей. Очень помогла директор дома инвалидов. Она позволила то, что другой мог бы и не позволить. Например, вскрывать пол на трети помещения, где у них каждый день 250 человек по три-четыре раза в день трапезуют. Много неудобств людям доставили: это и грязь, и земля, повреждения в интерьере. Однако эти болящие еще и помогали копать, выносить.

Оказалось, что для дальнейших поисков мощей Нила Сорского нужен архитектор. Потому что храм перестраивался, обмеры делались, а документов архитектурных на руках нет. И только архитектор может подсказать место, где стояла рака.

– Там два храма: зимний и летний, – продолжает Елена

Романовна. – В каком месте какого храма что стояло? Тут может помочь такое рассуждение, связанное с северной традицией постройки. Шел зимний храм, поменьше, и летний, побольше. В условиях монастыря, по-моему, непременно должен быть доступ с двух сторон. Чтоб и при летних, и зимних службах можно было подойти приложиться к раке, потому что это непременно для монахов. Это по аналогии с нашим преподобным Мартемьяном, мощи которого находились на стыке летнего и зимнего храмов.

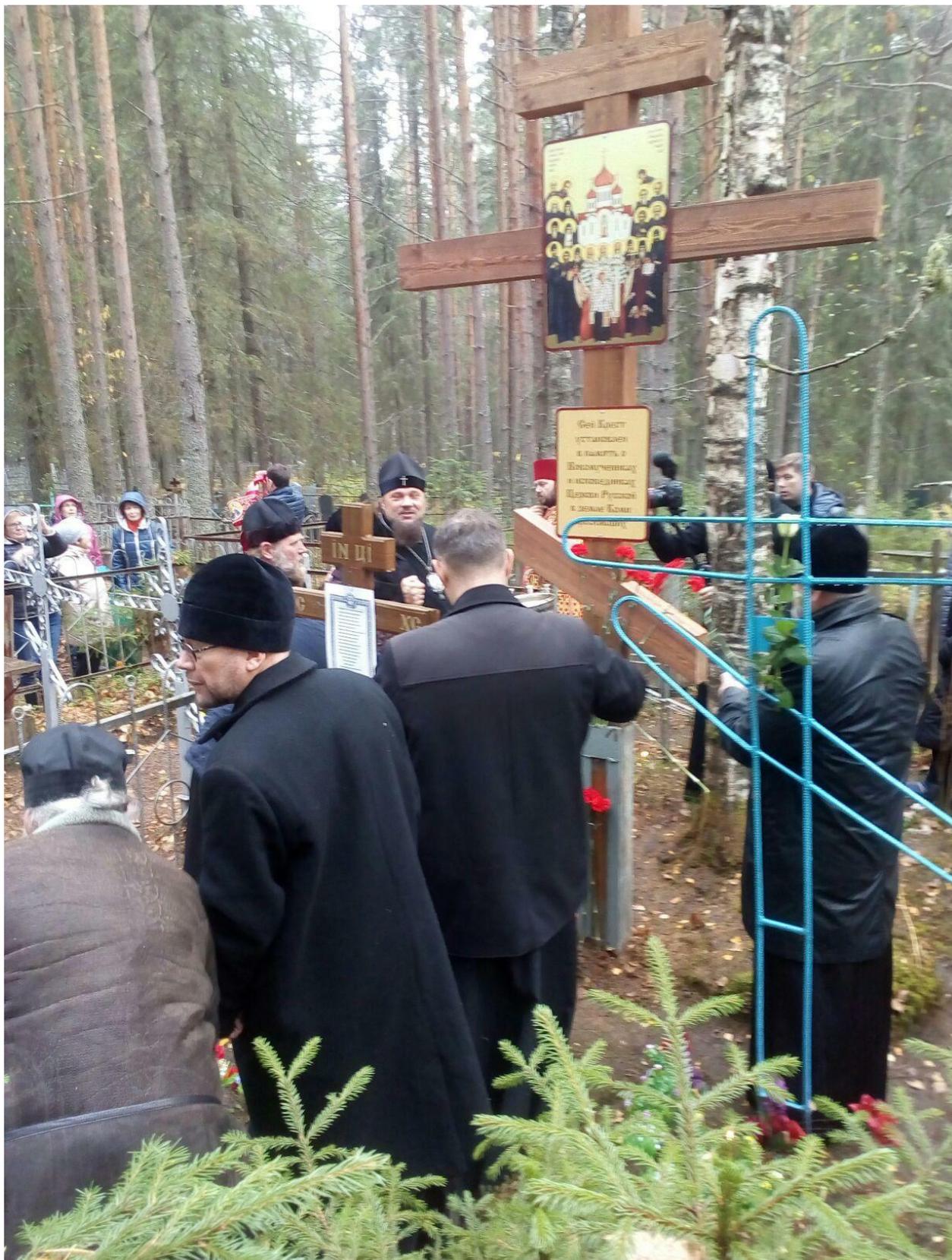
Точно же место после перестройки храмов может определить только архитектор. Пригласила я также историка Елену Романенко. Она Макарьевскую премию получила за основательные работы о Ниле Сорском. И в конце мая, когда поиски продолжатся, она тоже намерена приехать.

* * *

Позже наша газета намерена опять связаться с членами епархиальной комиссии по канонизации и рассказать читателям о результатах дальнейших поисков. Дай Бог, чтоб они были успешными.

Оглавление

Где упокоилась «Священная Дружина»? – 1
Весточка из ада (Михаил Трусов) – 10
Мой дедушка архиепископ Леонтий (Смирнов) – 11
«Если б люди знали, как они прекрасны...»
(митрополит Иосиф Чернов) – 20
Новые святые имена (о канонизации) – 52

Эей знак установлен
в память о жителях
Коми - Зирянского края,
жизнь свою
за веру и Отечество
на поле брани
во все времена положивших.
Упокой, Господи их души!

